

Е. ВЕРЕЙСКАЯ

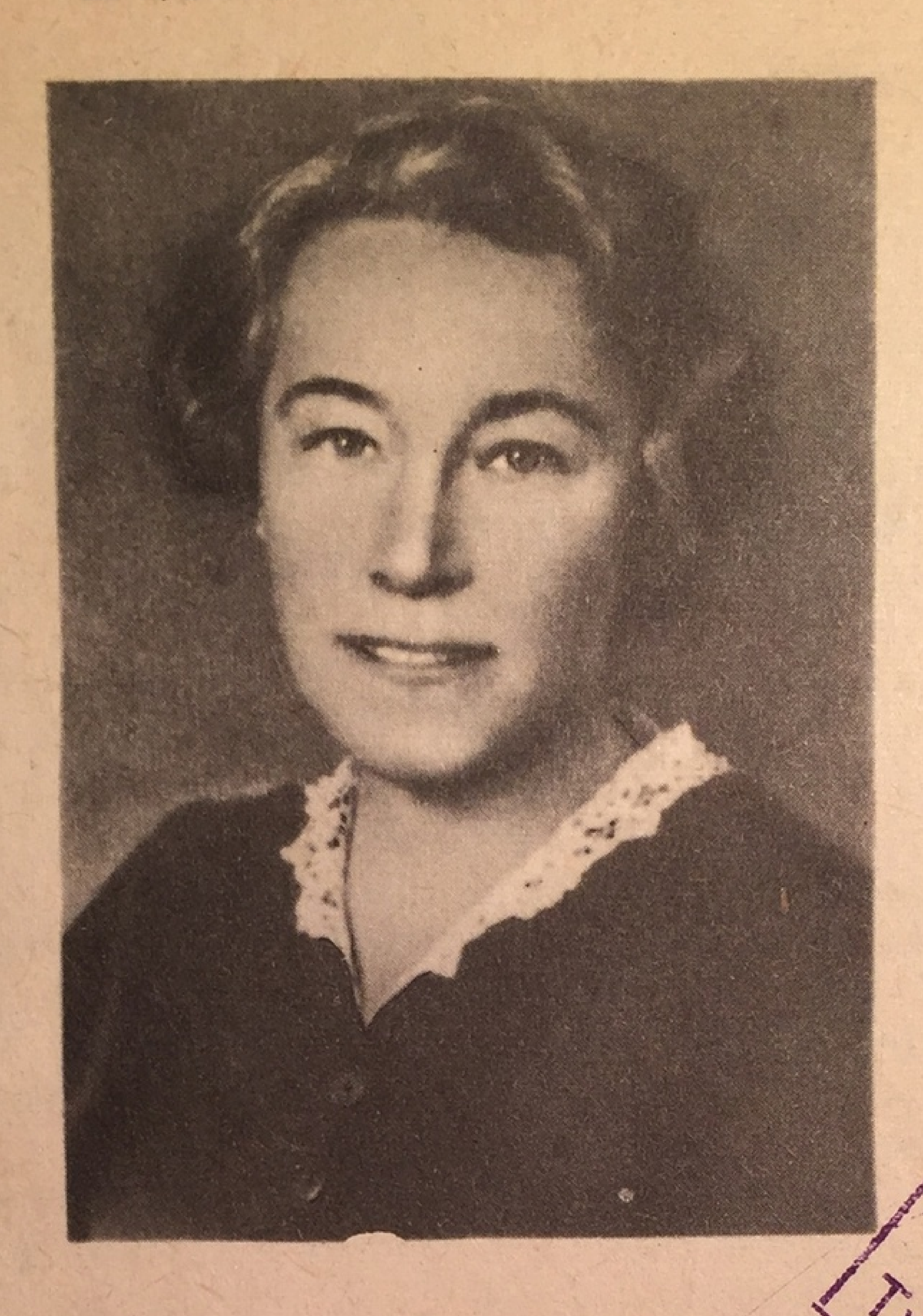
ТАНЯ-РЕВОЛЮЦИОНЕРКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

ПО «Вымпел» УИМ, 1975 г.155—150000

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Е. ВЕРЕЙСКАЯ

ТАНЯ-РЕВОЛЮЦИОНЕРКА

РАССКАЗЫ

Москва «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1974

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Елена Николаевна Верейская (1886—1966) родилась в Петербурге (ныне город Ленинград). Здесь она окончила гимназию и затем Высшие женские Бестужевские курсы, получив юридическое образование.

Юность её проходила в годы подъёма революционного движения, в годы первой мировой войны, Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в России.

С 1917 по 1922 год она жила в деревне на Смоленщине, работала библиотекарем в сельском Народном доме, учительствовала, руководила двумя драматическими кружками — взрослых и школьников, писала рассказы и стихи. Печатать свои произведения она начала в 1910 году.

В 1923 году Елена Николаевна Верейская вернулась в родной город и вступила в кружок детских писателей, возглавляемый С. Я. Маршаком. С этого времени Верейская стала детской писательницей.

Печаталась в журналах «Ёж», «Чиж», «Пионер», «Костёр». Она написала повесть «Три девочки», рассказ «Горничная Маша», создала сборники рассказов «Памятный день», «В те годы» и другие. В этой книге напечатаны два рассказа Е. Н. Верейской: «Таня-революционерка» и «Ласточка». Герои этих рассказов — дочь наборщика и портнихи Таня, сын кучера Гришутка смело и самоотверженно помогают своим отцам в революционной борьбе.

Напишите нам, понравились ли вам эти рассказы. Наш адрес: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Рисунки О. Верейского

ТАНЯ-РЕВОЛЮЦИОНЕРКА

Шёл декабрь тысяча девятьсот пятого года.

Мне было тогда десять лет, но была я такой маленькой и худенькой, что никто мне больше восьми не давал. Мы жили в фабричном районе большого города в квартире из двух комнат. Отец мой работал в типографии наборщиком, мать была портнихой.

Как сейчас помню тот вечер. Я была простужена, меня знобило, и мама рано уложила меня в постель. Папы не было дома, мама сидела у стола и шила: у неё была спешная работа к завтрашнему дню.

Под стук машинки я задремала. И слышу сквозь сон: вошёл папа — весёлый, бодрый. Мама на него зашикала:

— Тсс... Танюшка спит.

Папа подошёл ко мне, посмотрел, сел рядом с мамой и говорит тихо:

— И лучше, что спит. Достал я...

— Господи!.. Лучше бы не доставал!..

А папа рассердился:

— Глупости болтаешь! Разве ты не жена большевика? Разве смеешь трусить?

Мама тихо ответила:

— Знаю: так надо... Надо!.. А только душа у меня болит... А ну как попадёшься с этим? Сколько уж товарищей — кто в тюрьме, кто в ссылке, а кто и казнён...

— Брось ты это! — перебил её папа. — Коли все мы трусить будем, не добиться нам человеческой, свободной жизни. Так и подохнем рабами. А сейчас знаешь какие события? В Москве народ уже поднялся.

Мама так и ахнула:

— Да ну-у? И что же там?

— Вооружённое восстание — вот что там! Баррикады на улицах, бои идут с царскими войсками.

Папа говорил совсем тихо, но я прислушиваюсь, затаив дыхание.

— Да и не в одной Москве, — шепчет папа, — и в других городах вооружился народ... Нет у него больше сил терпеть! И у нас решено выступить. Завтра воскресенье, вот и напе-

чатаем прокламацию! Не меньше тысячи. А там товарищи по заводам разнесут.

Мама спрашивает:

— А ты уже видел прокламацию?

— А как же! Здо́рово написана! Зовёт она и наших рабочих идти за московскими рабочими. «Все к оружию, товарищи! Пора, — говорится в ней, — самим добывать себе свободу. Да здравствует вооружённое восстание!» А подписано: «Российская социал-демократическая рабочая партия»! Вот посмотри, что я принёс!

Мама отложила работу в сторону. И я глаза приоткрыла, гляжу. Развязал папа тряпку — посыпался на стол новый, блестящий шрифт.

А я до чего шрифт любила! Лучше игрушек всяких! Бывало, прибегу к папе в типографию, завтрак принесу да и смотрю, как он работает, — оторваться не могу. Стоит папа перед большим плоским ящиком, а он-то весь на маленькие ящички перегородочками поделён. И в каждом четырёхугольные длинненькие свинцовые кусочки набросаны, «литеры» называются, — много-много!

Сразу посмотреть — будто бы все и одинаковые, а станешь разглядывать ближе — на всех разные буковки. И занятные такие: выпуклые и шиворот-навыворот. Вот в одном ящичке свинцовые кусочки с буквой «А» лежат, в другом — только с буквой «Б», и так вся азбука.

Стоит папа и составляет их в слова — быстро-быстро, и не уследишь. Вот эти-то буковки все вместе «шрифтом» и называются.

Так вот, высыпал папа шрифт на стол. Блестят буковки, сыплются, шуршат, новенькие, как игрушечки!

Захотелось и мне новенький шрифт посмотреть поближе, да вдруг как вспомнила про Симу, подружку свою, да про весь сегодняшний день... Ох, нет... не до шрифта!.. Снова глаза закрыла, лежу, вспоминаю...

*

...Проснулась я нынче утром — и ничего не пойму! За окном, как всегда, ещё темно. На столе керосиновая лампа горит.

— Мама! Что это тихо как? — спрашиваю. — Почему нет гудков?

Мама молчит. Возится с утюгом. А папа ещё в постели. Руки за голову закинул, улыбается.

— Папа! Разве ещё так рано? Чего ты не встаёшь?

— Тихо, говоришь? Гудков нет? — Папа усмехнулся. — Не загудят нынче гудки, Танюша.

Я начинаю догадываться:

— Забастовка, папа?

— Забастовка, дочка.

Когда я прибежала в класс — а училась я в церковноприходской школе, — уже звенел звонок. Гляжу — а Симы, лучшей подружки моей, нет! И Кати нет. И Люды. А Поля с задней парты наклонилась ко мне, шепчет в самое ухо:

— К нам в общежитие нынче ночью полиции набежало — видимо-невидимо! Весь барак

перерыли, искали чего-то... Увели многих! Катиного папу и Людиного...

— А... Симы?..

— И Симиного забрали...

А тут входит священник, батюшка. Вошёл туча тучей. Мы все встали. Дежурная молитву прочла.

— Садитесь, чада мои!

Никого вызывать не стал, а начал чего-то говорить, говорить... Да сердито так. А я и не слушаю, всё о Симе думаю... Как же они будут теперь? Мама у Симы больная, не работает. Живут в общежитии, в бараке. Ещё выгонит хозяин...

Только потом, уже в переменку, рассказала мне Поля, про что говорил батюшка. Говорил, что, мол, взбунтовались рабочие, против царя и бога пошли, а бог их за это накажет. А ещё говорил, что если кто из нас знает, которые из рабочих самые смутьяны, пусть ему, батюшке, всех их назовёт. А бог нас за это наградит и все грехи нам простит.

— Нашёл тоже дур! — фыркнула Поля.

*

Шла я домой — и улиц не узнавала. Всегда, как идёшь из школы, из всех фабричных труб дым валит. Кругом грохот, лязг, гудки! Молот где-то ухает, пилы где-то визжат. А народу-то! Особенно если во время смены проходишь. Толпами идут рабочие. Чёрные, замасленные, закопчённые... Усталые идут, домой спешат.

Иду я по знакомым улицам — не те они, да и только! Торчат трубы, как мёртвые. Тихо до того, что даже жутко с непривычки. И народу совсем мало. Проходят рабочие, не спешат. По двое, по трое, негромко разговаривают. Не замасленные, не закопчённые, чистые, будто в воскресенье. А всё-таки на воскресенье почему-то совсем не похоже...

Гляжу — навстречу мне Сима. Из лавочки хлеб несёт. Идёт бледная, глаза заплаканы. Подошла я к ней, взяла за руку, пошли вместе. Молчу, не знаю, что и сказать... И она молчит.

— В школу больше не пойдёшь? — спрашиваю наконец.

— Боюсь, прогонит батюшка... Да и мама хворает... Мне бы на работу куда... Не возьмут!..

Помолчали мы.

Я шепчу совсем тихо:

— Сима, у папы твоего нашли что?

— Нашли. Под матрацем прокламаций штук пять... Знаешь, тех, чтоб бастовать...

Сима всхлипнула.

Завернули за угол. У закрытых заводских ворот стоит небольшая кучка рабочих. Вполголоса между собой о чём-то спорят.

И вдруг где-то совсем близко лошадиные копыта застучали. Сима вздрогнула, ещё ниже опустила голову, сжалась вся.

— Вот они, проклятые! — шепчет.

Казачий разъезд шагом проехал мимо нас. Рабочие у ворот замолчали. Казаки на них и не

взглянули. А вот рабочие... так и вижу их лица, как они смотрят вслед разъезду!..

...Лежу я, всё это вспоминаю, уж и не слышу, о чём папа с мамой говорят. А перед глазами — Сима... рабочие... казаки... сердитое лицо батюшки...

Потом всё перемешалось, и я не заметила, как уснула.

Вдруг слышу я сквозь сон, будто кто-то мою подушку двигает. Открываю глаза — мама надо мной наклонилась, вся бледная, глаза большие, руками мне что-то под подушку суёт. А в соседней комнате шаги тяжёлые топают, голоса мужские...

— Мама, — шепчу, — кто там?

— Обыск, деточка. Полиция. Ты спи, авось тебя не тронут.

Не успела мама подняться, входят двое в комнату. А мама:

— Пожалуйста, — говорит, — тут потише. У нас ребёнок больной.

А грубый голос отвечает:

— Ладно! Чего это у вас все ребята хворают? Куда ни придёшь с обыском, всё ребёнок больной.

Я лежу ни жива ни мертва, глаза закрыла, будто сплю. Из соседней комнаты кто-то кричит:

— Сначала здесь осмотрим! Всех из той комнаты сюда!

— А тут только хозяйка, да ещё ребёнок спит.

— Ребёнок пусть спит, а хозяйку сюда.

Вышли все и дверь затворили.

Открыла я глаза, вся дрожу. На столе лампа горит, ужин со стола не прибран, постели не смяты. Видно, ещё не ложились спать... А за дверью шаги, голоса.

Дух захватило. Ведь не маленькая, понимаю же: найдут на квартире у наборщика шрифт — ясно же, для чего ему шрифт... Плохо будет папе!

Села на кровати, оглядела комнату. Нигде не видно. Да! А зачем мама у меня под подушкой рылась? Сунула я руку под подушку — и обмерла. Там!.. Крепко завязанный в тряпку, колючий...

Будут искать — и в мою постель полезут. Поля рассказывала, всё-всё перерывают... Нашли же у Симиного отца под матрацем, и у меня найдут... Надо спрятать... скорее... Но куда?!

Дрожу вся, зубы стучат, оглядываю комнату. Нет укромного места! В печку? Найдут. На шкаф закинуть? Слышно будет, да ещё уроню... Сил не хватит, тяжёлый он!

Сижу на кровати, узел в руках держу, не знаю, что делать! А надо! Знаю — надо! Куда же, куда?!

И вдруг осенило меня. Вскочила я, подбежала к столу на цыпочках, заглянула в глиняный кувшин — большой у нас был. Так и есть, молока в нём ещё порядочно. Перенесла кувшин на подоконник. Стала развязывать узел со шрифтом, руки дрожат, сил нет. Узел крепко затянут.

А сама так и жду — вот-вот войдут. Не поддаётся узел. Вцепилась зубами, рванула — развязался! Опустила тряпку одним концом в кувшин. Посыпался шрифт, зашуршал... Так я и застыла... Ничего, ходят там, авось не слышно...

Стало молоко кверху подниматься, тряпку замочило. Разложила тряпку на подоконнике, сыплю горстями, спешу. Поднялось молоко до краёв, а шрифта ещё много. Как быть? Отлить? Руки трясутся, подниму кувшин, расплескаю, догадаются... Оперлась руками о подоконник, подтянулась к краю кувшина, давай молоко отпивать... Глотаю, давлюсь, в горле застревает. Чуть не поперхнулась. Вдруг шаги к двери... Я и дышать перестала... Нет, отошли!

Всыпала ещё две горсти — опять молоко до краёв. Снова отпивать стала.

Ух, всё там, до последней буковки! И молоко снова наравне с краем. Отпила ещё глотка три, тряпку сложила, бросила в раскрытую корзину, где у мамы лоскуты лежали. Сама — юрк в постель. В голове шумит, словно лечу куда-то вместе с комнатой, нехорошо так...

Долго ли пролежала, не знаю... Слышу, отворяется дверь, вошли все. Мама говорит, а у самой голос дрожит:

— Ребёнка только не троньте, очень больна девочка!

А кто-то отвечает:

— Девчонка нам ни к чему. А кровать осмотреть надо. Снимите девочку!

— Нельзя, — мама говорит, — тревожить её...

Слышу, еле говорит, бедная. Так мне её жалко стало. И сказать-то ей нельзя, что шрифта под подушкой уже нет.

Прикрикнул пристав:

— Берите девчонку! Нечего тут!

Подошёл папа. Взял меня на руки, сел на стул. А я притворилась, будто и не чувствую. А у самой сердце выскочить хочет. И у папы руки дрожат.

Слышу, сбросили подушку, роются в постели. Долго шарили.

— Ладно, — говорят, — можете класть

Положил меня папа осторожно. Незаметно повернулась я так, чтобы лицом к комнате лежать. Самой любопытно посмотреть. Приоткрыла веки, гляжу сквозь ресницы...

Как сейчас вижу — два дворника из соседних домов, понятые. Пристав толстый, усатый, красный. И пуще всего что-то мне его руки запомнились — пальцы короткие, пухлые, как обрубки. Всюду он ими щупал; ходит и щупает по всей комнате, ходит и щупает, пока околоточный с городовыми в вещах роются. И ещё какой-то... шпион, наверное. Этого до сих пор забыть не могу. Всё улыбается, голос сладенький, будто ласковый такой, а у самого глаза, как у лисицы, так и бегают, так и сверлят. И как это он не заметил, что я сквозь ресницы за ним наблюдаю?

Всё перешарили, всюду искали. Папа стоит, молчит, мама на стул в уголке села.

Вдруг вижу — подошёл пристав к окну.

Ладонями в подоконник упёрся, наклонился всей своей грузной тушей прямо над моим кувшином... Догадался?.. Нашёл?.. Даже в глазах у меня потемнело...

А пристав сердито выругался вполголоса:

— Черти! Ходи тут из-за них ночью по пурге! Света божьего за окном не видать! — Повернулся от окна да как прикрикнет на маму: — Ну, чего расселась! Убери со стола, протокол буду писать.

Мама встала, тряпкой стол вытерла. Сел пристав протокол писать.

«Ой, — думаю, — что же он такое пишет?..»

А дальше я не помню: не то заснула, не то в забытьи лежала. Очнулась, как от толчка. Открыла глаза, гляжу — за окном светает. Мама у лампы сидит, шьёт. А посреди комнаты стоит папа.

Вспомнила я всё, чуть не закричала от радости. Цел мой папа! Дома!

Мама говорит:

— Да что я, с ума, что ли, сошла? Как же это не помнить? Говорю — своими руками Танюшке под подушку сунула.

Пожал папа плечами.

— Чудно́, — говорит, — как в воду канул!

Не выдержала я, как расхохочусь да как закричу:

— Не в воду, папа! В молоко!

Вздрогнули оба. Посмотрел на меня папа:

— Что она? Бредит?

А я одеяло сбросила, села на кровати, сама

от радости и заговорить не могу. И пришло мне вдруг на память:

— Слушай, папа, — говорю я, а сама смеюсь, — я недавно такую сказку читала: жили старички, муж да жена, а у них кувшин волшебный был. Они молоко пьют, а он всё полный... Так и у вас с мамой!

Смекнул папа, оглядел комнату. Бросился к окну, взял кувшин в руки.

— Танюшка, — говорит, — это ты его сюда?...

Я только головой кивнула.

Мама всплеснула руками да как заплачет:

— Умница ты наша, папу своего спасла!..

А папа поставил кувшин обратно на окно, подошёл ко мне, взял меня молча на руки, поднял, прижал к себе и понёс по комнате. Сам молчит, только меня всё крепче к сердцу прижимает.

Остановился да и говорит тихо так:

— Ну и дочка у меня! Настоящая из тебя революционерка выйдет. Не растерялась!

— Как это так, — говорю, — «выйдет»?! Разве я уже не революционерка?!

— Засмеялся папа.

— Верно, — говорит, — и твоя капля уже в общем деле есть.

И болел же у меня живот наутро! Ещё бы — больная, да столько молока залпом выпила!

Это ничего. А вот одно досадно мне было: нельзя подругам в школе рассказать. Хорошо знала — конспирация. Значит, тайна, секрет.

*

В сумерки папа рассыпал шрифт понемногу по всем карманам и — как будто с пустыми руками — ушёл из дому.

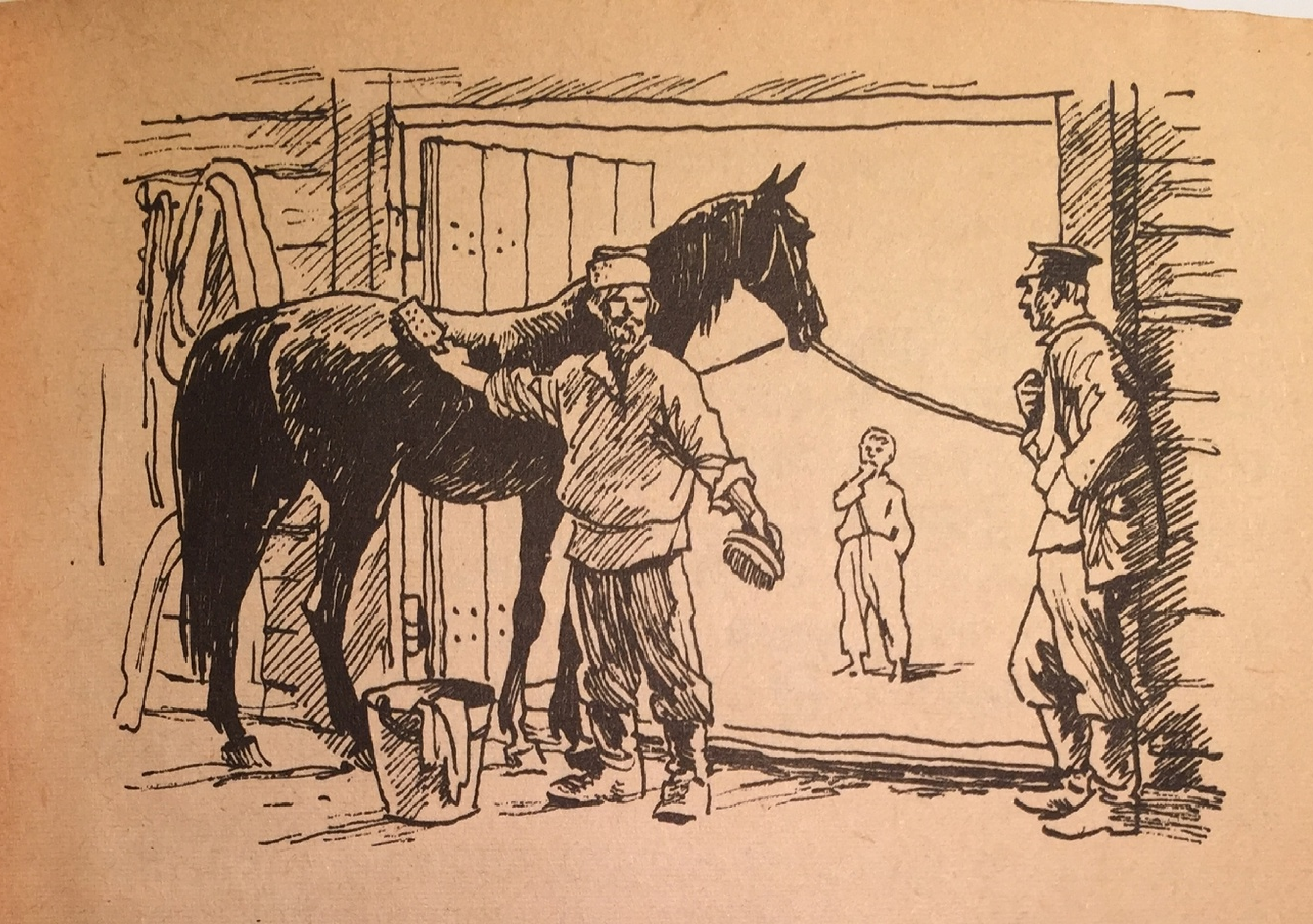
Ждали мы его с мамой ни живы ни мертвы... У меня из головы не выходили Сима и её отец... А ну как и папа...

Вернулся папа поздно вечером. Мы обе так и бросились к нему.

— Чего вы, глупые? — засмеялся он и обнял нас. — Всё в порядке!

Через несколько дней в городе началось вооружённое восстание.

ЛАСТОЧКА[1]

Усадьба помещика и фабриканта Рыжова отстояла от его фабрики всего на полтора километра, но хозяин не привык ходить пешком. Утром кучер Григорий отвозил его на фабрику в удобной коляске, а к вечеру приезжал за ним.

Лошадей у Рыжова было много, но ездил он только на своей любимице — вороной, тонконогой и горячей Ласточке.

Однажды — это было летом 1907 года — кучер Григорий чистил в дверях конюшни Ласточ-

---

[1] Рассказ печатается в сокращённом виде.

ку. Кобылица нетерпеливо перебирала ногами, но два ремня, протянутые с двух сторон от недоуздка к притолокам двери, держали её на месте.

Сынишка Григория, восьмилетний Гришутка, бегал во дворе и вдруг увидел возле конюшни дядю Серёжу — старого дружка отца, рабочего с фабрики Рыжова.

Из разговоров старших Гришутка знал, что на фабрике забастовка и полиция уже арестовала «зачинщиков». Он подбежал поближе, чтобы послушать, о чём будет говорить отец с дядей Серёжей.

— Какие новости? — тихо спросил отец, продолжая водить скребком по лоснящейся спине Ласточки.

Дядя Серёжа огляделся, зашёл в конюшню и стал за дверью, чтоб его не видели со двора.

— Бастуем, — сказал он так же тихо, — человеческой жизни добиваемся! Управляющего и мастеров — тех, что не с нами, на тачке с фабрики вывезли. Сами — ворота на запор! — Дядя Серёжа засмеялся. — На свою голову обнёс хозяин фабрику заборищем! Да ещё гвоздей сверху понатыкал! Поди достань нас теперь!

— Та-ак, — ещё тише произнёс отец и, помолчав, сказал: — Слышал я, хозяин грозил: если не прекратите забастовку, завтра к вечеру казаков на фабрику пригонят.

— Того и ждём, — прошептал Сергей, — и ружей на такой случай запасли, да только...

Но тут Григорий вдруг увидел сынишку.

— А ну-ко, Григорий Григорьевич, нечего тебе тут делать, ступай-ко, ступай!

Гришутка нехотя отошёл, но, только отец отвернулся, снова на цыпочках подкрался к двери.

— Хозяин сам их вам привезёт. Сам! Понятно? — говорил отец.

— Как так? — удивлённо спросил Сергей.

— Увидишь. Чуть стемнеет, неси сюда весь запас.

Они ещё пошептались недолго.

— Ну, — весело сказал дядя Серёжа, — если выйдет дело, зададим же мы перцу и хозяину и полиции!

Гришутка из всего этого разговора понял только одно: рабочие зададут перцу полиции! Забыв об отце, он на радостях сунул два пальца в рот и свистнул. Только на днях научили его деревенские ребята так лихо свистеть.

И тут как взовьётся на дыбы испуганная свистом Ласточка! Один из ремней оборвался, Ласточка бросилась боком из конюшни, Григорий едва успел её схватить под уздцы и всей тяжестью тела повис на недоуздке. Ласточка храпела, била ногами, косилась горящим чёрным глазом на остолбеневшего от испуга Гришутку.

— Ну-ну, глупая! Ну, чего вообразила! Дурака-мальчишки испугалась! — успокаивал её Григорий, ласково гладя ладонью по крутой шее. — Нервная! — с восхищением сказал он Сергею. — Да зато умница! Порядок знает. Мне и править ею не надо. Как вылетит со двора — да одним духом до фабрики! Влетит в фабричные воро-

та — я и вожжами не шевельну, — встанет сама перед дверью конторы как вкопанная!.. Отцепи-ко ремень, введу её в стойло.

Дядя Серёжа взял Ласточку под уздцы с другой стороны. Дрожа всем телом и раздувая ноздри, кобылица продолжала плясать, пока её вели в денник.

Гришутка, полуоткрыв рот, всё стоял на месте.

— А-а, ты ещё тут? — увидел его отец, выходя из конюшни. — Будешь мне лошадей пугать! Уши оборву, пострелёнок! — И он двинулся было на Гришутку, но тот увернулся и вмиг исчез за углом конюшни.

Отец, когда сердит, лучше под руку не попадаться! Где бы спрятаться? Да так, чтобы папка не нашёл, пока у него сердце не отойдёт. Домой идти нельзя...

Гришутка незаметно скользнул в приоткрытую дверь каретного сарая, залез под коляску и притаился. Поди-ко найди! Он свернулся калачиком на холодном, шершавом полу и скоро задремал, а когда открыл глаза, было уже совсем темно.

Дрожа всем телом от озноба, он поднял голову и прислушался. Где-то близко раздавались шаги и совсем тихие голоса. Дверь скрипнула, приотворясь. Вошли двое и направились прямо к коляске. Гришутка весь сжался на полу — ни жив ни мёртв, — стараясь не дышать...

— Вот эта, — услышал он голос отца. — Поднять сиденье, под ним ящик. Туда и положим.

— Ловко придумал! — отвечал другой вошедший, и Гришутка узнал голос дяди Серёжи. — Только, Гриша, смотри не попадись! А то и нас не выручишь, и сам в тюрьме насидишься.

Григорий усмехнулся.

— Чудной ты! Неужто хозяин в ящик под сиденьем полезет: на что ему? — Он встал на подножку и поднял мягкое сиденье: — Клади!

Дядя Серёжа обошёл вокруг коляски, встал на другую подножку, и что-то очень тяжёлое стукнуло о дно ящика под сиденьем прямо над головой Гришутки. Звякнули рессоры.

— Вот и ладно. Дойдёт к вам в целости, а уж достать — ваше дело, — сказал отец, и оба вышли.

Фу, пронесло! Гришутка с облегчением вздохнул. Теперь его заедало любопытство. Что спрятали они под сиденьем?

Гришутка осторожно вылез из-под коляски, встал на подножку и, натужась, приподнял сиденье. Сунул под него руку, и пальцы наткнулись на неотёсанную крышку деревянного ящика. Попробовал сдвинуть... Ого, какой тяжёлый, не поддаётся!

Он опустил сиденье и скрепя сердце побрёл домой. Нагорит от папки!.. Но дома всё обошлось без шума. Мать хлопотала у печки. Отец не сказал ни слова. Лицо его было сурово и озабоченно. Забыл, видно, про Гришуткины уши!..

*

Утром, проснувшись, Гришутка натянул штанишки, поплескался у рукомойника и выбежал во двор.

Это был обширный, покрытый зелёной травкой так называемый «красный двор» помещичьей усадьбы. В глубине его стоял двухэтажный господский дом, а за ним виднелись деревья старинного парка. Кругом двора располагались «службы»: ледник, сараи, амбары, конюшни и избы, где жили работники усадьбы.

И, как всегда, в это утро у широкого парадного крыльца господского дома Гришутка увидел запряжённую в коляску Ласточку. На козлах сидел в нарядном кучерском кафтане отец с вожжами в руках и ожидал хозяина. Мальчик знал: вот сейчас выйдет хозяин на крыльцо, за ним, позёвывая, выйдет хозяйка в широченном пёстром капоте; хозяин вскочит в коляску и сердито скажет:

«А ну, пошёл!»

Ласточка рванёт с места и, широко выбрасывая тонкие, стройные ноги, крупной рысью понесёт коляску в настежь раскрытые ворота в том конце двора. А хозяйка будет стоять на крыльце и махать вслед кружевным платочком. Сколько себя помнит, каждое утро наблюдал Гришутка эту картину.

Но сегодня всё вышло по-иному. Правда, хозяин с хозяйкой появились на крыльце, но хозяйка была одета, видно, в дальнюю дорогу и

несла в руке саквояж. Лицо её было хмуро и заплаканно. Вслед за ними вышел на крыльцо лакей с двумя чемоданами в руках.

Гришутка увидел, как папка с беспокойством оглянулся на крыльцо. А хозяин сошёл с лестницы и приблизился к кучеру.

— Сегодня на фабрику не еду, — резко сказал он. — Пусть прекратят забастовку. А не прекратят, я им покажу, как бунтовать!.. Отвезёшь, Григорий, сейчас барыню в город к её мамаше...

Гришутка смотрел на отца. Лицо папки было спокойно, но чуть побледнело.

— А Ласточка? А коляска? — спросил кучер.

— Останешься пока в городе, будешь ждать. Как расправлюсь с бунтовщиками, дам тебе знать, привезёшь барыню обратно. — И, обернувшись к лакею, Рыжов приказал: — А ты, Василий, поставь пока чемоданы, беги наверх, мелкие вещи принеси. Положишь их в ящик под сиденьем.

Он не спеша вернулся на крыльцо и заговорил с хозяйкой.

Гришутка снова взглянул на отца, и вдруг ему стало страшно, — он сам не понимал почему. Папка смотрел на него в упор и как-то странно одним глазом подмигивал ему, сложив губы дудочкой.

— Чего ты? — оторопело пробормотал Гришутка.

Намотав вожжи на левую руку и сдерживая ими Ласточку, Григорий соскочил на землю и стал возиться у сиденья коляски.

— Ишь ты, не приподнять никак, — с досадой сказал он хозяину. — Забухло сиденье-то, видно...

Он повернул к сынишке бледное как полотно лицо, снова подмигнул ему и вытянул губы дудочкой.

И тут Гришутка вспомнил!.. Вспомнил всё, что было вчера! «Попадёшься — насидишься в тюрьме...» — словно услышал он голос дяди Серёжи. Ящик под сиденьем!.. А с лестницы уже бежал с вещами Василий.

Какой-то буйный восторг залил вдруг всё Гришуткино существо, — он понял папку! И, сунув два пальца в рот, он свистнул так пронзительно, как ему ещё ни разу не удавалось свистнуть.

Ласточка дико рванулась с места.

— Стой!.. Стой!.. — закричал Григорий, падая. Вожжи тащили, волокли его по дороге, но шага через три он выпустил их из рук, а сам остался лежать у ног остолбеневшего Гришутки.

Ласточка карьером вынеслась в раскрытые ворота.

На крыльце истошно вопила хозяйка, что-то кричал лакей Василий; Григорий с трудом поднимался с земли.

— Чего стоишь?! Бери Копчика, скачи, догоняй! — кричал ему хозяин.

Гришутка растерянно оглянулся, — лакей Василий бежал к нему. Гришутка, как зачарованный, стоял на месте и смотрел на отца. Тот, сильно хромая, бежал к конюшне, и снова глаза

отца и сына встретились. И на этот раз оба, не произнося ни звука, поняли друг друга.

«Не выдавай!» — требовали глаза отца.

«Не выдам!» — ответили глаза сына.

*

Ласточка, обезумев от ужаса, вынеслась за ворота и помчалась карьером по дороге, вся в мыле, с раздувающимися ноздрями, с заложенными назад ушами. Но, не слыша за собой погони и нового свиста, она понемногу успокоилась и постепенно перешла с карьера на свою обычную размашистую рысь.

Ещё издали увидел её с вышки над забором фабричный сторож. Он сбежал вниз и широко распахнул ворота. И когда Ласточка влетела во двор, он сразу же захлопнул их и запер на все засовы. Лошадь привычно остановилась у подъезда конторы. Изумлённые рабочие обступили коляску. Что это значит? Почему Ласточка прибежала одна?

Но теряться в догадках было некогда. Подошёл Сергей, поднял сиденье, достал небольшой, очень тяжёлый ящик и вскрыл его.

В ящике были патроны.

— Подходи по очереди, — скомандовал он. — Раздавать буду.

В эту минуту сторож крикнул с вышки:

— Григорий скачет вдогонку!

И перед Григорием гостеприимно распахнулись ворота — и снова наглухо закрылись.

Григорий соскочил с Копчика, привязал его к коляске сзади и взобрался на козлы.

— Что же ответите хозяину, братцы? — спросил он, заворачивая Ласточку к воротам. — Требует прекратить забастовку.

— А то и скажи ему, — наперебой заговорили рабочие, — будем бастовать, покамест арестованных не выпустят... пока уволенных обратно не примет... Управляющего пусть к чёрту гонит!.. Штрафы пусть отменит!..

— Ясно, — сказал Григорий, — стало быть, вечером ждите казаков в гости.

— А милости просим!.. Сумеем встретить!..

Распахнулись ворота, Ласточка стрелой вылетела на дорогу. И снова загремели на воротах изнутри тяжёлые засовы...

СОДЕРЖАНИЕ

Для начальной школы

Елена Николаевна Верейская

ТАНЯ-РЕВОЛЮЦИОНЕРКА

Рассказы

Ответственный редактор *С. В. Орлеанская*
Художественный редактор *Н. З. Левинская*
Технический редактор *Н. Г. Мохова*
Корректор *В. И. Дод*
Сдано в набор 11/IV 1974 г. Подписано к печати 8/VIII 1974 г. Формат $70 \times 100^1/_{16}$. Бум. типогр. № 2. Печ. л. 2. Усл. печ. л. 2,6. Уч.-изд. л. 1,64. Тираж 1 500 000 экз. Заказ № 15. Цена 8 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата СМ РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

★

Верейская Е. Н.

В 31 Таня-революционерка. Рассказы. Рис. О. Верейского. М., «Дет. лит.», 1974.

31 с. с ил. (Школьная б-ка «Читаем сами»).

В книгу входят рассказы «Таня-революционерка» и «Ласточка». В центре описываемых событий простые ребята, смело и самоотверженно помогающие своим отцам в революционной борьбе против самодержавия.

Р2

В $\frac{70802-520}{М101(03)74}$ 245—74

Цена 8 коп.

Папка 11 к.

Серия «ЧИТАЕМ САМИ»

ДОРОГИЕ ПЕРВОКЛАССНИКИ!

Издательство «Детская литература» выпускает для вас серию книг «ЧИТАЕМ САМИ»

В 1974 году выходят книги:

ГДЕ ЁЖИК?

Рассказы о животных

ДЕВОЧКА И РАЗБОЙНИКИ.

Сказки

ЛЕСНЫЕ ХОРОМЫ.

Рассказы, сказки, стихи, загадки

Толстой Л.
РАССКАЗЫ О ДЕТЯХ.

ПРИ СОЛНЫШКЕ — ТЕПЛО, ПРИ МАТЕРИ — ДОБРО.

Русские пословицы и поговорки

С ДОБРЫМ УТРОМ!

Стихи русских поэтов

Ушинский К.
РАССКАЗЫ И СКАЗКИ.

• • • • •

Александрова З.
ПЯТЕРО ИЗ ОДНОЙ ЗВЁЗДОЧКИ.

Стихи об октябрятах

Астафьев В.
СТРИЖОНОК СКРИП.

Рассказы

Заходер Б.
РУСАЧОК.

Сказки в прозе

Ильина Е.
ШУМ И ШУМОК

Сказки о школьниках

Обращайтесь за этими книгами в свои школьные и районные библиотеки.